





«МОГУ РАССКАЗАТЬ ВАМ...»

Фантастический рассказ

ПОЛЕТ

Сто тридцать лет прошло с тех пор, как посланец Земли отбыл к созвездию Близнецов. О нем редко вспоминали: связи не было. Сменялись поколения. А корабль шел, хрустальные зеркала световых гироскопов направляли его курс, по металлическим нервам пробегали электрические волны, и в стеклянных глазах телескопов отражались небесные огни звезд, туманностей и комет... Ладья, забытая среди звезд.

Быть может, и в памяти компьютеров, бережно хранящих такого рода сведения, двойная звезда Близнецов значилась как необитаемая область, вселенский закоулок, куда еще не забрасывали на гравитационных ладьях лихие ватаги киберов — именно они-то и становились первопоселенцами планетных остро-

вов. Кому бы пришло в голову употреблять термин «обитаемость» в ином смысле? Ведь многократные попытки найти себе подобных кончались неизбежной, казалось бы, неудачей.

Корабль выглядел допотопным чудищем с шестью ногами-дюзами по вершинам правильного многоугольника — силового блока. Его радиоуши из-за перегрузок вовсе уж не напоминали зеркала-параболоиды. За стеклами иллюминаторов угадывались потемневшие от времени реликвии века пара и стали.

И все же именно он доставил на Землю первое неопровержимое доказательство обитаемости отдаленнейших планет, о нем говорилось в утреннем сообщении:

«Космический зонд перенес на Землю живой организм растительного происхождения, обнаруженный за пределами солнечной системы... Растения похожи на водоросли и найдены на дне озера с горячей водой, на глубине около трехсот метров. Собраны образцы грунта. Ученые приступили к изучению находок».

Наверное, не случайно снился мне в то утро сон: зачарованный подводный сад, легкая светлая вода, которую можно набирать в легкие, как воздух. Зеленоватые снопы света пробивались к самому дну, где меж громадных камней скользили темные рыбы. Вокруг серебристое сияние. А сверху сверкало зеркало, но не было видно солнца. И не было волн на грани двух миров — подводного и надводного. Вдруг подплыла большая рыбина с умными глазами. Я ухватился за ее спинной плавник, и она понеслась так, что волосы, подхваченные стремительным водяным ветром, забились за моими плечами. Тело у рыбы было теплое, из-под жабр ее выскакивали воздушные пузырьки, и темно-зеленые губы шевелились, словно она силилась рассказать мне об этом зачарованном месте. Становилось светлей, мы будто бы поднимались вверх. Я пытался разобрать, что же бормотала моя спутница. Стало совсем светло. Я открыл глаза. И тут же услышал слово «Близнецы». Фон включался ровно в семь.

За окном вставал над крышами красный теплый мир. Я еще не прислушивался к передаче — фон был для меня просто будильником. Но через минуту понял, что произошло то, чего можно было бы тщетно ждать годы и годы. Внеземную жизнь пытались обнаружить в течение столетий...

...Поллукс и Кастор, два главных светила Близнецов, удалены от нас на одиннадцать и четырнадцать парсеков. Мне, биологу, нетрудно соизмерить галактические пространства с долгим путем эволюции через века и тысячелетия. В тот же вечер звездный атлас рассказал мне о местах, откуда занесло к нам гостя. В круге света от старомодной лампы на моем рабочем столе возникали контуры животных — кита, ящерицы, льва, ворона, рыси, змеи, обоих медведей — Большой и Малой. По странной прихоти астрономы вознесли на небо и стали писать узорчатой прописью птицу Феникс, Летучую Рыбу, Голубя, Лисичку, Волка, Лебедя, Орла, Дельфина, Малого Коня... Всего восемьдесят восемь созвездий. В этом небесном зверинце затерялись большие и малые небесные тела. И мифические Кастор и Поллукс. Поллукс — обычная оранжевая звезда. Но Кастор! Под одним названием скрывается целый хоровод светил. Выделяются два горячих гиганта — Кастор А и Кастор В.

Они так близки, что разделить их может лишь телескоп. Каждый из них как двуликий Янус — это определил спектроскоп (даже телескоп тут бессилён). И расстояния в звездных парах так малы по галактическим меркам, что могут без труда быть выражены просто в километрах. Десять миллионов километров. В шесть раз меньше расстояния от Солнца до Меркурия. Как оправдалось случайное пророчество древних звездочетов, давших имя Ближнецы именно тому созвездию, в котором превзойдены все рекорды близости светил!

А недалеко от двойных гигантов притаился еще один Кастор. Третий. Кастор С. Незаметная пылинка. Но это тоже два раскаленных шара. Точнее, эллипсоида — взаимное притяжение вытянуло их, словно капли, которые ветер срывает с острых листьев; между ними два миллиона километров. Рекорд близости. Даже планеты наши расставлены много свободнее. Не спешит Кастор С в своем беге по орбите: никому еще не удалось узнать скорость его движения вокруг той невидимой точки, которая зовется общим центром тяжести.

Именно к этим шести звездам послан был космический зонд (можно понять тех, кто его снаряжал). Сорок пять световых лет не так уж много. Даже для автоматического корабля прошлого века.

ЗНАКИ НА КАМНЕ

К вечеру того же дня стало ясно, что мы скоро увидим своими глазами цветок с другой планеты, похожий на водяную лилию, только гораздо более хрупкий. Наш фитотрон — зеленая лаборатория редкостей, был готов принять гостя. Мы работали допоздна. Ночью я листал книги по астроботанике и космологии. Вдруг тревожный звонок. Еще одна новость: звездная книга на камне... О ней рассказывал мой давний друг Ольховский.

— Пока вместо ответов — новые вопросы. — Говорил он взволнованно, и мне передалось его настроение. — Никто не расшифровал текст. Это невероятно трудно!

Он ошибался. Ключ к знакам на камне, который был доставлен с планеты вместе с грунтом, сумели все же подобрать. А мне снова повезло: одним из первых я познакомился с людьми, разгадавшими каменные письма. Связался с институтом.

Близорукий человечек с тихим голосом и учтивыми манерами за четверть часа умудрился не ответить ни на один из моих вопросов. Я настаивал. И слышал, как он, забыв выключить канал, советовался с кем-то, точно просил помощи. И вот я узрел вполне представительную физиономию: волевой подбородок, коротко остриженные волосы, крепкие скулы, выгоревшие от солнца брови.

— Я вам все расскажу, — заявил этот симпатичный тип, — ничего не утаю, но, как некогда говорили у нас в городе, не нужно шума.

— Не терплю шума.

— Тогда вот вам кассета. Перепишите. Публиковать не надо.

Завалите нам всю работу. Институт не пресс-центр и не пункт связи.

Репликатор тут же дал копию записи.

— Обещаю, — сказал я.

— Никому ни слова, — сказал симпатичный тип и весело подмигнул. — Дайте нам еще несколько суток поработать и собраться с силами.

И он скрылся, отгородился от меня тысячами километров замолчавшего эфира. А у меня осталась копия объемной кассеты: несколько нитей с вкраплениями хрома, ниобия и бария. Все как на ладони. И книга. И люди, раскопавшие звездную древность.

...Секрет книги открыт был случайно. Кто-то оставил на столе плоский камень, найденный в образцах грунта. Он должен был бы отправиться в хранилище, где, поддерживаемый языками нейтринного пламени, оказался бы в состоянии невесомости: так поступали с космическими реликвиями. И ни один луч света, ни одна пылинка, ни единый гравитационный всплеск не коснулись бы его. Через месяц, через год, может быть, спустя десятилетие кто-нибудь заинтересовался бы каменным обломком и извлек его на свет божий. Скорее всего для того, чтобы вскоре предать забвению.

Камень всю ночь пролежал на столе. Под ним оказался лист писчей бумаги. Утром на листе проступили какие-то значки: черточки, скобки, кружочки. Из них образовались строчки. Не догадаться об их назначении было просто невозможно. Камень еще раз оставили на столе, теперь уже намеренно. И опять на листе проступили знаки неведомого алфавита. Но текст, судя по всему, повторялся. На следующий день удалось получить оттиск еще одной страницы. Для этого первую страницу накрыли чистым листом и сверху водрузили камень... Каждая последующая страница возникала как бы сама собой, стояло лишь оставить под камнем на час-другой стопку уже полученных раньше «оттисков», строго соблюдая порядок их следования. Когда была получена восемнадцатая страница книги, камень «замолчал».

Сергей Шинаков, светлоглазый мечтатель и выдумщик, работал над книгой днем и ночью. Мне рассказали, что он мог по памяти воспроизвести любую из восемнадцати страниц. Позднее он признался, что боялся, как бы текст не исчез вовсе.

Из книги я узнал о давней катастрофе. Речь шла о судьбе цивилизации. Планета, где побывал зонд, кружила так близко от своего солнца, что лучи высушили песок, почву, моря и реки. Я узнал о двойной звезде, заставившей планету изменить орбиту. Кажется, те, другие, предвидели катастрофу. Но что могли они поделать? Я прочел: «Звездный ветер близок. Дыхание солнца рядом. Остается вечная пыль, сухие листья, умирающие ветви немых деревьев, на которых когда-то раскачивались птицы. Промелькнет короткая ночь — и снова раскаленный ветер, и горячие пенные волны последнего моря пытаются лизнуть наши ступни. Здесь, у моря, кипит прибой, и все ближе противоположный берег. Его прячет жгучий туман, желтый пар. Нет конца звездному ветру. Он сметет с лица планеты все, что мы принесли с собой».

Быть может, то была часть эпоса. У книги не было ни конца, ни начала. Сама по себе она была свидетельством жизни, борьбы с небесным огнем. Но даже ливни, которых ждали, оборачивались бедой: вода сбегала к морю не по затерянному в песках руслу рек, а сплошным валом, снося дома, смывая почву, разрушая дороги. Барханы высились, как горы, иногда среди зеленевшей еще долины. У их подножия вдруг распускались цветы, раскрывались почки, влажный жар заставлял все живое пробуждаться, спешить. Открывались угрюмые каменные россыпи, над которыми витали миражи. Черные смерчи бродили меж камней и скал. Среди песчаных туч поднимались багровые хребты, похожие на языки пламени.

...Миновали столетия. Окаменели остатки трав, кустарников, некогда покрывавшихся розовыми и зелеными цветами. Деревьев, напоминавших пинии, липы, пальмы, орех. Исполинский жар рассеял пар в атмосфере, а звездный ветер гнал его в пустоту. Точно легкий шлейф тянулся за умиравшей планетой. Наверное, если бы кому-нибудь удалось заглянуть в будущее, за миллионолетнюю грань, он увидел бы голый каменный шар, лишенный воздуха и тени. Но небесный жар завоевывал планету постепенно. Сторона, обращенная к светилу, раскалялась, затем окутывалась ночной тьмою, теряя тепло, остывая.

Будто бы в подземном дворце, еще сохранившем немного прохлады, статные женщины вышивали узоры. И такой тонкой была их работа, что ее не видно было простым глазом. Голубые стекла открывали им необыкновенную пряжу и рисунок вышивки. Так говорила книга.

Вместо игл будто бы сновали и спешили у них в пальцах узкие лучи. За день успевали они сделать только сорок шесть тончайших узелков. Вышивка повторялась: у рукодельниц получался всегда один и тот же цветок со стеблем, маленькими листьями и двадцатью тремя лепестками. На каждом лепестке вышивалось по два одинаковых узелка. И потом узелки не повторялись — каждая их пара не напоминала предыдущую.

Цветы плавали, как кувшинки. По подземному каналу выплывали они в большое рукотворное озеро. Здесь, между отвесных скал, собиралась вся вода, еще оставшаяся на планете... Над озером висели горячие облака. Как только лепестков касалось жаркое дыхание воздуха, цветы погружались на дно, где было сумрачно и прохладно. Наверху вода могла кипеть и бурлить от звездного жара, но, пока водоем оставался наполненным хотя бы на треть, пар уносил с собой тепло и дно оставалось пригодным для жизни.

Одну из женщин звали Кэма, что означало «ветер», другую — Аира — «волна». Примерно так звучали бы эти имена на нашем языке. Были и другие, но имена их не были записаны в книге. И все они отправляли в последнее плавание легкие белые цветы, и сердца их сжимались, когда видели они, как лепестки касались воды.

Будто бы у каждой из женщин был на левой руке яркий зеленый браслет, который помогал им. Браслет был соткан так искусно, что казался украшением. Владевший браслетом не мог расстаться с ним до конца своих дней, как и с собственным сердцем. Он помогал овладеть искусством, подсказывал, если

руки женщин ошибались, а глаза уставали. Точно катализатор, он ускорял сказочное превращение.

Что означала легенда?

Если поймут легенду, писал автор книги, поймут и нас, потому что мы сами подобны цветам, затерянным в водах озера. И зеленоглазая Кэма, и прекрасная Аира с темными прозрачными глазами стали цветами. Пусть нашедший книгу рассудит, похож ли он на нас, пусть догадается об этом, сосчитав лепестки на цветах. Не было у нас другой дороги, с горечью писал автор, не было выбора, жизнь наша и судьба до конца раскроются тому, кто встретится с нами, кто похож на нас. Мы оставили бронзовые статуи и храмы, всякие мосты и мраморные дворцы. Нас ждет нечто более долгое, чем самый долгий сон. Хрустальный жгучий свет горячей звезды торопит. А песок засыпает шпили и кровли наших домов.

ФИТОТРОН

Нужно было воссоздать уголок совсем иного мира, плохо знакомого нам. Состав грунта, воды, кислотность, жесткость, все эти индексы, которые любого могут замучить... наличие изотопов, освещенность. Даже цвет воды и тот долго не давался нам. А у нас были лишь считанные дни. Никакие цифры не помогут разобраться, почему в воде одинакового состава, в равных, казалось бы, условиях, одни и те же организмы то процветают, то останавливаются в развитии, а иногда и гибнут. Не часто, но случается. Профессор Неванлинна, бородатый финн столетнего возраста, морской бродяга и корифей-океанолог, любил повторять, что за свою долгую жизнь ему ни разу не удалось убедиться в справедливости законов, им же открытых. Океан — настоящая ловушка для назойливых экспериментаторов. Ничего не стоит получить морскую воду в лаборатории. Натрий, хлор, магний, еще десятка четыре элементов — больше ничего не надо. Ни один химик не отличит ее от настоящей морской воды. Однако она губительно действует на некоторые формы планктона и даже на рыб. Но стоит добавить в аквариум несколько литров «живой» морской воды, случится необъяснимое: среда станет идеальной для жизни. Я боялся: мы могли убить растение, дремавшее в анабиозе более полувека, пока корабль шел к Земле.

Я много раз видел руки старого финна, когда он колдовал с колбами и пробирками. Где нам было мечтать об инопланетной жизни! Я живо представил, что сделал бы он на моем месте. Интуиция, не более. Мы попытались как бы умножить свойства инопланетной воды: мы понемногу разбавляли ее. Потом вода отстаивалась, проходила едва заметная реакция. Среда обретала однородность — и снова добавка «сырого» раствора...

Слово «фитотрон» с детства вызывает в памяти полусумрак лесов, паутинки на белых стволах самшита, мангровые чащи и высокие, как шатры, корни панданусов, колючие плоды дуриана на длинных плетях, плавучие листья виктории, знакомые ароматы сказочно далеких лесов и саванн. Здесь верится всему, о чем написано в старых книгах.

Фитотрон — это полигон растительных чудес, место, где можно встретить калифорнийское дерево буджум, торчащее из земли, как перевернутая морковка, и высокогорный африканский вереск пятнадцати метров высотой. Здесь можно попробовать бразильский виноград жаботикабу, вызревающий прямо на стволах, и увидеть деревья, цветы которых спрятаны под землей. Нетрудно представить здесь и озеро с кувшинками, ряской, соцветиями стрелолиста. И тропический водоем с коралловыми рифами и водорослями.

Нашлось здесь подходящее место и для водяной лилии из Близнецов. Мы поместили ее в большой, очень высокий аквариум, как же иначе... И пригасили искусственное солнце. И зажгли другое — зеленоватое. И все вокруг стало напоминать о неярком свете, едва пробивающемся через горячие тучи, пылевые облака и многометровый слой воды.

— Книга правдива, — сказал однажды Ольховский. — Это не легенда. Уверен, что гены этих цветов несут двойную информацию. На них действительно вышит узор — человеческое начало. Двадцать три пары узелков! Вспомни, сколько у человека хромосом.

— Что же дальше? — спросил я. — Если верить легенде, можно далеко зайти...

Я не понимал Ольховского. Как только удалось ему сохранить это странное свойство характера — вечно забегать вперед и напрасно тратить силы и время? Позже стало ясно: я боялся заглядывать за ту черту, что отделяет действительность от мечты...

ЗЕЛЕНЫЙ БРАСЛЕТ

Разбудил меня звонок. Я знал, что никто из моих знакомых не стал бы беспокоить так поздно. Ночной звонок заставил меня подняться сразу, тревожное предчувствие мгновенно поставило на ноги. Я знал: автомат сработал оттого, что в лаборатории что-то стряслось. Включил оперативную память, уловил обрывки фраз: «нарушен тепловой режим...», «отклонения химического состава...», «снижение концентрации азота в рабочей камере». Это было равносильно катастрофе.

Но ведь даже при желании фитотрон не так просто вывести из режима. Для этого нужно, по крайней мере, прямое попадание крупного метеорита или девятибалльное землетрясение. Что там происходит?

За десять минут эль подбросил меня к главному корпусу. С другой стороны к автоматическим дверям бежал долговязый человек в шляпе, надвинутой на лоб, — Нельга. Я, кажется, понимал, почему не располагал к себе этот пунктуальный человек. Нетрудно было представить, что он скажет в любой ситуации, и само его присутствие, возможно, становилось вдруг ненужным, необязательным. Через минуту мы миновали защитный шлюз и ворвались внутрь машины погоды и климата. Нельга бежал чуть быстрее меня — вперед, вперед, вперед...

Мы слегка устали и уже не бегом, а быстрым шагом шли по широкому коридору. Справа и слева — просторные ниши, га-

лереи, то затененные, то освещенные скупыми лучами искусственной луны, пробегавшей по часовым поясам легко, словно бильярдный шар. Высоко-высоко, в черных разрывах между северными облаками вспыхивали редкие звездные огни настоящего, неподдельного неба. Оно было как бы вторым потолком. Шепча листвою, пленники фитотрона рассказывали об ураганах в дальней стороне, о следах в непроходимых чащобах, о южных созвездиях — дивных островах в ночном океане небес...

Вот она, массивная высокая колонна, поблескивающая стеклом и пластиком: тонны зеленоватой инопланетной воды. Аквариум. Серый песок. Сумрак. Выпуклый таинственный объем, созданный нами.

По стеклу ползла капля воды. Медленно, равнодушно передвигалась она, оставляя влажный след. Я случайно заметил ее. «Не может быть!» — тихо воскликнул Нельга. Я и без него это знал. Мы подошли к стеклу и долго всматривались в сумрак гигантского водяного столба — свет мог убить нашу гостью — водяную лилию. Ее там не было. По дну тянулась цепочка полуразмытых углублений, напоминавших следы.

Почти одновременно мы подняли головы: у затененной стены, в тридцати метрах от аквариума слышен был шорох, и там почудился нам возглас. Женщина возникла среди лунно-лимонных полос слабого света на темных стволах, под глянцевыми гирляндами листьев, а выше, над головой ее, над кронами деревьев, светились россыпи звезд. Она стояла на траве, выросшей под пластиковым куполом и никогда не видевшей солнца.

Нечто незнакомое раньше вдруг будто проснулось во мне. Встрепенулось сердце, потеплели пальцы рук.

Влажные волосы женщины блестели от серебряных капель, она поправляла их легко и быстро, прикасаясь к ним тонкими руками. Глаза темны и прозрачны, в них светлый и чистый зеленый огонь, и удивление, и радость... Я не смог бы сказать ни слова, даже имени ее не смог бы произнести: на запястье ее левой руки сиял изумрудный браслет.

Я, наверное, втайне надеялся на эту встречу, и сейчас, чтобы окончательно поверить в происшедшее, мне оставалось лишь проследить мысленно тонкую нить событий — случайных и закономерных. Вдруг вспомнилось продолжение спора с Ольховским. Тогда, несколько дней назад, я не принял его всерьез.

«Представь только, — убеждал он, — сначала анабиоз, потом он прерывается, значит, звездное путешествие кончилось, зонд совершил посадку. И вот идеальные условия, верный признак, что они попали к тем, кто о них заботится. Разве это не может послужить сигналом к превращениям? Мы обязаны обратить внимание даже на самые невероятные предположения. Исход может оказаться неожиданным. Не исключено, что знаки на камне рассказали сущую правду. И я думаю, они готовы к встрече лучше нас...» Мы переглянулись.

— Я МОГУ РАССКАЗАТЬ ВАМ... — ПРОЗВУЧАЛ В ТИШИНЕ ЕЕ ГОЛОС.

Меня охватил запоздалый страх: что было бы, если мы успели бы вмешаться в работу фитотрона и восстановить (какой ценой!) первоначальный, обычный его режим...
